И. ЖЕПНИКОВСКА

Жепниковска Ивона
доктор гуманитарных наук,
профессор, кафедра славянской филологии,
Университет Николая Коперника в Торуни (Польша)
Ul. Fosa Staromiejska 3 87-100 Toruń (Polska)
Тел.: +48 (606) 294-469
E-mail: iwo@umk.pl

В ПОИСКАХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ТЕКСТООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПОТЕНЦИЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Рецензия на: *Неклюдов С. Ю.* Темы и вариации / [Рос. гос. гуманитар. ун-т; Рос. академия народного хозяйства и гос. службы при Президенте РФ]. — М.: Индрик, 2016. — 520 с., ил. — (Литература как традиция; 1).

Одной из основных проблем, постоянно привлекающих исследователей, и притом с давних времен, является соотношение книжных и устных традиций. Отчасти это объясняется тем, что на всем протяжении исторического развития литература находилась в непосредственной связи с фольклором, и эта связь, как известно, была двусторонней. Проблема взаимовлияния обоих видов творчества относится к числу наиболее сложных и дискуссионных. И хотя за последние десятилетия был накоплен огромный опыт в изучении этого вопроса, как практический, так и теоретический, проблема не теряет своей актуальности. Лучшим подтверждением сказанного является новейшее монографическое исследование известного фольклориста и востоковеда С. Ю. Неклюдова «Темы и вариации».

Использованное в заглавии определение «темы и вариации» является первым маркером методологической установки автора, который исходит из положения о существовании в мировой словесности неких устойчивых тем и мотивов, обладающих большим и в то же время ограниченным текстопорождающим потенциалом. К ним относятся, например, предсказание судьбы и попытки ее избежать, представление о Луне как загробном мире и лунных пятнах как неких обитателях ночного светила, уподобление города женщине и женщины городу, сдача жены в аренду (когда муж отдает жену кому-либо с целью извлечения выгоды). Наблюдения над сюжетными реализациями этих тем и мотивов, т. е. над конкретными произведениями словесности, особенно относящимися к разным культурным традициям, позволяют выявить совпадения между ними, порой неожиданные и поразительные, при одновременном наличии структурных и семантических

© И. ЖЕПНИКОВСКА (I. RZEPNIKOWSKA) DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-2-228-233

модификаций, позволяющих говорить о своеобразном варьировании. В поисках объяснения обнаруженных соответствий и трансформаций автор монографии обращается к методам фольклористики, в основном к структурно-семиотическому и сравнительно-типологическому. В результате такой установки тексты рассматриваются как многовариантные и, следовательно, равноправные способы реализации определенной темы, независимо от художественной ценности, приписываемой тем или иным произведениям в литературоведении.

Ключевой аналитической категорией, использованной для объяснения фольклорно-литературных параллелей, является повествовательная модель, которую в конечном счете можно назвать мифологической моделью, несмотря на то что она не имеет прямой текстовой репрезентации. Эти «структурные конфигурации семантических элементов, объединенные логическими связями и реализующие одну из мифологических тем» (с. 481), порой могут быть представлены как относительно простые фабульные схемы, например, описанные в сюжетно-мотивных указателях, но они могут представлять собой и более сложные образования.

К пониманию роли этих моделей в объяснении причин совпадений между текстами культурной традиции автор подводит читателя постепенно, в чем определенную роль играет композиционно-смысловая структура монографии, построенной по принципу градации, т. е. не только по мере усложнения проведенного исследования, но и (а может быть, и прежде всего) по нарастающей сложности и разнообразию выявленных соотношений между текстами устных и книжных традиций. При этом расширяется и само понимание текста, не сводимого исследователем исключительно к речевому высказыванию, поскольку анализу подвергаются также произведения изобразительного и музыкального искусства, кинематографа. Некие устойчивые повествовательные модели выявляются также в историях из реальной жизни, что заставляет автора задуматься о причинах стереотипности этих «сценарных схем жизни», являющейся результатом определенной многоэтапной переорганизации жизненного материала в культурной памяти сообщества.

Основная часть рецензируемой книги посвящена текстуализации в мировой культурной традиции бродячих сюжетов и мотивов (гл. 5). Исходным пунктом для выявления причин соответствий между разными текстами является какой-либо образец книжной словесности, в котором исследователь обнаруживает реализацию определенной устойчивой темы, способной создать структурно-семантическую модель. Как правило, эта модель конкретизируется, а затем приводятся фольклорно-мифологические параллели как данной схемы, так и отдельных ее морфологических компонентов. После этого демонстрируются другие литературные реализации обнаруженной сюжетной конструкции на примерах, почерпнутых из русской и мировой словесности; соответствующие тексты нередко значительно отделены друг от друга временем и пространством их создания. Последнее показывает особую ценность (и даже преимущество) использованных фольклористических методов исследования, которые дают возможность выявления не только типового, повторяющегося на больших временны́х

и географических дистанциях, но прежде всего позволяют продемонстрировать возможности трансформации сюжета, пути развития фабульных линий. После рассмотрения многочисленных фольклорно-литературных реализаций той или иной модели уточняется, наконец, и сама сюжетопорождающая модель, определенная в начале анализа в максимально обобщенной форме, а скорее обнаруживается существование моделей более специализированного характера. К примеру, для подтверждения тезиса о том, что рассказ Льва Толстого «Кавказский пленник» воспроизводит известную в эпическом фольклоре тему «пленник ямы» (эта тема образует очень простую сюжетную схему: падение в яму-ловушку и спасение из нее), автор приводит и подробно рассматривает ряд примеров ее реализации, почерпнутых из тюрко-монгольских и среднеазиатских традиций. Отмечая возможности взаимозамен и комбинации компонентов повествовательной матрицы (например, это касается мотива расчесывания, распускания, отрезания волос), автор обращается, среди прочего, к фольклору американских индейцев, к памятнику персидской литературы «Шахнаме», к библейской легенде о Самсоне и Далиле и к античной мифологии (с. 223–225). Читатель будет постоянно удивляться нахождению текстуальных манифестаций определенной нарративной модели в столь отдаленных друг от друга фольклорно-мифологических традициях.

Убедительно (и даже сверхубедительно) доказав фабульные сходства рассказа Толстого с чрезвычайно богатым фольклорно-эпическим материалом, исследователь показывает другие возможности реализации обнаруженной им сюжетно-мотивной конструкции, обратившись к произведениям, на первый взгляд не дающим основания для подобных сопоставлений, — например, к рассказам «Необычайная прогулка Морроуби Джукса» Редьярда Киплинга и «Страна слепых» Герберта Уэллса, а также к роману «Женщина в песках» Кобо Абэ. Это, в частности, позволяет поставить один из существеннейших с методологической точки зрения вопросов о том, насколько выявленные между столь различными текстами совпадения на самом деле являются результатом реализации определенной фольклорно-мифологической темы, а насколько это результат литературной преемственности. Если знание писателем творчества своих предшественников вполне возможно, но не всегда доказуемо, а иногда и вовсе недоказуемо (для этого требуются определенные свидетельства, документальные подтверждения), то в данном случае причины тематических схождений наиболее убедительно можно объяснить именно следованием общей сюжетопорождающей модели, источник которой — во-первых, довольно широкий круг вербальных текстов, в том числе входящий в фоновое знание читающей публики определенной эпохи, а во-вторых, знание семантики и метафорики языка и разных фольклорно-эпических традиций, оставляющих иногда в памяти лишь неотчетливые отзвуки. Литературные явления часто восходят ко множеству разных источников, т. е. в своей основе они полигенетичны.

Читатель неоднократно убедится в том, что особая ценность сравнительно-типологического метода обнаруживается не столько в тех случаях, когда существует источник, на который писатель сознательно ориентировался, — не для всех мотивов в этом источнике есть параллели (это,

в частности, относится к пушкинской «Песни о вещем Олеге»), сколько тогда, когда источники, к которым восходят определенные фольклорные реминисценции в литературном тексте, совсем не осознаются писателем. Например, таким неосознанным источником для Юрия Олеши был фольклорный сборник Кирши Данилова, объясняющий в неоконченной пьесе писателя «Смерть Занда» соположение городов Москвы и Казани.

Кстати, пример Олеши отсылает к ряду методологических сомнений, высказанных автором в первой главе монографии, посвященной одному из фрагментов поэмы Николая Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» («Савелий, богатырь святорусский»). Речь идет о путях и формах знакомства писателя с фольклорной традицией, а также о том, насколько правомерно в сопоставительных исследованиях выходить за пределы фольклорного материала, непосредственно известного писателю. В ходе анализа выясняется, что это актуально по отношению к творчеству как Некрасова, связь которого с народной традицией является несомненной, так и Олеши, как бы он ни был чужд этой традиции. Дело в том, что, как было сказано выше, в памяти писателя удерживается знание устного наследия, полученное им иногда частями, обрывками, в виде отдельных мотивов, причем не только непосредственно, но и очень часто опосредованно, в форме, неотрефлексированной сознанием. В связи с этим, как полагает С. Ю. Неклюдов, в некотором переосмыслении и коррективах нуждается вопрос о воздействии фольклора на творчество, по сути дела, любого писателя. Определенная роль в исследовании проблемы фольклоризма в литературном творчестве принадлежит структурно-семиотическому и сравнительно-типологическому методам, что было убедительно продемонстрировано автором монографии на примере произведений Некрасова и Олеши.

Конечная цель предпринятых в монографии рассуждений состоит, однако, не в уточнении и корректировании устоявшихся в литературоведении мнений об источниках мотивов, сюжетов, художественных образов, не в обнаружении самой древней фиксации топоса, а в попытке ответить на вопрос о причинах, с одной стороны, сохранения в литературной традиции одних сюжетопорождающих тем и мотивов, их продуктивности на протяжении многих десятилетий и, с другой, ухода из традиции других, их меньшей живучести. Как полагает С. Ю. Неклюдов, востребованными литературой оказываются лишь темы с мифологическими корнями, т. е. восходящие к осмыслению некоторых мифоритуальных практик, а также сохранившиеся в языковой метафорике, как, например, ветхозаветный образ «города-женщины / женщины-города» или «пленник ямы». Не удерживаются в традиции темы, порожденные творческим воображением, по определению автора являющиеся результатом процессов символизации и метафоризации, даже если в их основе иногда лежат некие мифологические представления (с. 487). В частности, это касается темы «лунной одиссеи». Правда, первичные для этого небесного светила значения — Луна как иной мир (мертвенность Луны) и интерпретация пятен на Луне как фигуры некоего перемещенного туда существа — еще сохраняют фольклорно-мифологическую основу, но уже такие «лунные» ассоциации, как обман, ложь,

глупость, безумие — продукт авторского творчества. При рассмотрении причин затухания определенной темы в словесной традиции следует учитывать ряд других обстоятельств, в том числе наличие серьезных и пародийно-комических регистров ее разработки, а также переломные события научной и общественной жизни, — например, для деактуализации лунной тематики большую роль сыграли полеты в космос.

Вопрос генезиса определенной темы, отнесения ее словесных разработок к той или иной группе (по определению автора монографии, к формам первичным или вторичным) оказывается весьма непростой задачей, поскольку это можно установить лишь с помощью сложных семантических реконструкций. Это наглядно демонстрируют наблюдения над литературными реализациями мифологического образа хтонической бездны, связанной с топосом «пленник ямы». Несмотря на некоторую рационализацию места пленения героя, превращающегося в разных произведениях в земляную тюрьму (Толстой), подземное кладбище (Киплинг) или песчаную яму (Кобо Абэ), во всех случаях сохраняются исконно присущие этому месту признаки царства смерти.

Монография представляет собой итог исследований, которые велись на протяжении последних 25 лет. Некоторые фрагменты работы публиковались в виде отдельных статей, но для настоящего издания они были существенно переработаны и дополнены, в том числе новым материалом. И все же лишь помещение их в монографический труд с полной очевидностью демонстрирует, насколько системными и последовательными были эти исследования и насколько плодотворен выработанный в их рамках научный метод, позволяющий рассматривать столь разнообразный материал. Немаловажно и то, что в монографии суммируется богатейший опыт, накопленный представителями отечественной и зарубежной фольклористики, литературоведения и других дисциплин (философии, языкознания, лингвистической семантики, психологии, социологии и т. п.), на работы которых автор постоянно ссылается. Убедительный и блестящий анализ доказывает, что лишь единство преемственности интеллектуального наследия и привнесенных в него инноваций способно обеспечить научное развитие.

Не сомневаясь в теоретической и практической значимости рецензируемой книги, нельзя, однако, отрешиться от впечатления некоторой элитарности данного вида разысканий. Глубина высказанных мыслей и уровень достигнутых обобщений (особенно когда автор использует свой опыт монголоведа) заставляют думать, что исследовать литературу и устное творчество именно таким образом может лишь ограниченный круг ученых. В то же время известно, что предлагаемый в монографии научный метод исследования фольклорно-литературных связей уже на протяжении долгих лет успешно применяют в своих разысканиях коллеги и ученики С. Ю. Неклюдова. В этом смысле монография «Темы и вариации» стала классической задолго до своего выхода в свет.

In search of patterns in the text-generating potentialities of cultural tradition

Rzepnikowska, Iwona
Dr. Habil.
Extraordinary Professor,
Department of Slavonic Studies,
Nicolaus Copernicus University (Poland)
Ul. Fosa Staromiejska 3 87-100 Toruń
Tel.: +48 (606) 294-469
E-mail: iwo@umk.pl

A review of: Neklyudov, S. Yu. (2016). *Temy i variatsii* [Themes and variations]. Moscow: Indrik. 520 p., ill. (In Russian).

To cite this article:

Rzepnikowska, I. (2018). V poiskakh zakonomernostei tekstoobrazovatel'nykh potentsii kul'turnoi traditsii [In search of patterns in the text-generating potentialities of cultural tradition]. *Shagi / Steps, 4*(2), 228–233. (In Russian).

Received January 3, 2018